

A romantic couple in formal attire, a man in a dark suit and a woman in a dark red dress, are shown in a close embrace, nearly kissing. The background is dark with warm, bokeh light effects, suggesting an evening setting like a restaurant or ballroom.

Andy Smith

ПОДПИСЬ
вместо
ПОЦЕЛУЯ

современный любовный роман

Andy Smith

Подпись вместо поцелуя

<https://litres.ru/74416529>

Аннотация

— Я не буду вашей невестой. — Я не прошу вас быть моей невестой. Я прошу сыграть роль достаточно убедительно, чтобы спасти здание, которое вы любите. Арсен Глевицкий — хладнокровный девелопер. Я — реставратор, погрязшая в долгах. Ему нужна безупречная репутация и фиктивная невеста для заключения сделки. Мне — деньги, чтобы спасти мастерскую и вылечить маму. Наш договор прост: три месяца на публике, сапфировое кольцо на пальце и никаких поцелуев без моего согласия. Но когда вокруг начинают происходить опасные «случайности», а фальшивый жених закрывает меня собой от реального удара, холодный контракт трещит по швам. Теперь главное — выжить и не влюбиться в собственного врага. ♥# Дорогие читатели! Если история зацепила, пожалуйста, поддержите книгу лайком и добавьте в библиотеку! Ваши оценки очень помогают продвижению и дарят вдохновение!

В	тексте	есть:	#фиктивная_помолвка
#от_врагов_к_возлюбленным			#властный_герой
#сильная_героиня			#опасные_тайны
#противостояние_характеров			

Содержание

Содержание	4
Глава 1. Условие	5
Глава 2. Попытка сорваться с крючка	12
Глава 3. Подпись под снегом	17
Глава 4. Правила игры	23
Глава 5. Пресс-подход	29
Глава 6. Балкон	35
Глава 7. Кухня без масок	41
Глава 8. Ужин с Драконом	46
Глава 9. Платье	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Содержание

Глава 1. Условие

Глава 2. Попытка сорваться с крючка

Глава 3. Подпись под снегом

Глава 4. Правила игры

Глава 5. Пресс-подход

Глава 6. Балкон

Глава 7. Кухня без масок

Глава 8. Ужин с Драконом

Глава 9. Платье

Глава 10. Угроза матери

Глава 11. Вечер. Кулуары

Глава 12. Поцелуй

Глава 13. Бар

Глава 14. Ночь у Арсена

Глава 15. Совместная охота

Глава 16. Тень прошлого

Глава 17. Правда

Глава 18. Порознь

Глава 19. Перед боем

Глава 20. Презентация. Первая часть

Глава 21. Шах и мат

Глава 22. Дождь после бури

Глава 23. Не по контракту

Глава 1. Условие

Таисия Лантова ненавидела переговорные комнаты с панорамными окнами.

В таких местах чужую жизнь раскладывали по таблицам, а память города называли «активом с низкой доходностью». Сегодня этим активом был старый кинотеатр «Ильм». Серый, облупленный, с трещиной над афишной нишей и лепниной, которую никто, кроме Таисии, давно не замечал. Для неё он был не зданием. Там мать впервые вышла на сцену школьного спектакля. Там отец когда-то красил декорации. Там сама Таисия в двенадцать лет пряталась от ливня, а в двадцать семь открыла реставрационную мастерскую в бывшем буфете.

Теперь «Ильм» собирались включить в проект реконструкции квартала.

Это слово — реконструкция — в устах девелоперов почти всегда значило одно и то же. Снести всё, кроме фасадной стены, поставить стекло, повесить табличку «с сохранением исторической памяти» и продать память по цене элитного метра.

На стеклянном столе лежала чёрная папка. Без логотипа. Без герба. Просто дорогая бумага и уверенность человека, которому привыкли уступать.

Арсен Глевицкий вошёл ровно в одиннадцать.

Он не опоздал и не извинился за то, что заставил её ждать пять минут до назначенного времени. Высокий, собранный, в тёмном костюме, который выглядел не модным, а окончательным. Мужчины вроде него не повышают голос. За них говорят юристы, банковские гарантии и люди, которые держат двери открытыми.

— Госпожа Лантова, — сказал он, садясь напротив. — Вы пришли одна.

— А вы ожидали хор плакальщиц?

Его взгляд задержался на ней на секунду дольше, чем требовала деловая вежливость.

— Я ожидал представителей инициативной группы.

— Они заняты. Пытаются понять, почему ваша компания подала заявку на культурный кластер, а в приложении к заявке фигурирует демонтаж аварийных конструкций.

— Демонтаж пристроек. Не основного корпуса.

— У вашей пресс-службы это называется «полным обновлением квартала».

— Пресс-службы любят крупные формулировки.

— А девелоперы любят оставлять от старых домов одну арку в лобби.

Арсен открыл папку.

— Я знаю, что вы хотите услышать. Основной корпус «Ильма» останется. Если мы выиграем городской грант и получим софинансирование фонда Бранских, сносить его не будет ни юридического, ни экономического смысла.

Таисия замолчала.

Она пришла ругаться. У неё в сумке были три жалобы, подборка фотографий разрушенных зданий после проектов Глевицкого и диктофон, включённый ещё в лифте. Но он сразу сказал то, что выбивало почву.

— Что значит «если»?

— Есть конкурент. Группа Яромира Кайсара. Они предлагают городу офисный центр с музейным залом на первом этаже. Формально это тоже культурная функция.

— Музейный зал между кофейней и стойкой охраны?

— Именно.

— И при чём здесь я?

Арсен закрыл папку.

— У вас есть репутация. Вам верят активисты, местные жители и часть департамента культуры. Вы не чиновница, не журналистка, не политик. Вы специалист, который руками вытаскивает из пыли то, что остальные считают мусором. Если вы станете лицом проекта, шансы на грант вырастут.

— Вы хотите купить моё доверие?

— Я хочу предложить контракт.

Он подвинул к ней папку.

Таисия не открыла её сразу. Смотрела на его пальцы. Длинные, спокойные, без кольца. Такие пальцы ставят подписи, после которых люди съезжают из мастерских и потом годами ищут правду по приёмам.

— Сколько?

— Два миллиона рублей за три месяца публичного сопровождения проекта. Плюс погашение вашей задолженности по аренде мастерской.

Воздух в комнате стал плотным.

Он знал.

Конечно, знал.

После операции матери, сорванного заказа и того, как бывший партнёр увёл клиентов вместе с её эскизами, долг рос быстрее, чем Таисия успевала дышать. Арендодатель дал срок до пятницы. Сегодня был вторник.

— Вы проверяли мои счета?

— Открытые судебные реестры. Заявление о взыскании уже подано.

— Великолепно. Тогда вы знаете, что я не продаюсь.

— Я знаю, что вы держитесь на упрямстве. Это не то же самое, что финансовая устойчивость.

Таисия резко открыла папку.

Первые страницы были почти пристойными. Консультации. Медийное сопровождение. Участие в презентациях. Право экспертного заключения по элементам исторического декора. Потом она дошла до пункта 4.2 и подняла глаза.

— Что это?

— Условие семейного фонда.

— Я спросила не название.

— Фонд Бранских финансирует частную часть проекта. Им нужен личный гарант. Не только юридический. Моя ба-

бушка считает, что человек без личных обязательств легко бросает долгосрочные проекты.

— И вы решили обзавестись личной обязательностью напрокат?

Он впервые отвёл взгляд. Почти незаметно.

— Формулировка грубая, но не неверная.

Таисия прочитала пункт ещё раз.

«Стороны обязуются публично подтвердить намерение вступить в брак сроком не позднее шести месяцев после утверждения проекта...»

Она рассмеялась. Коротко, зло.

— Вы предлагаете мне фиктивную помолвку.

— На три месяца. До решения комиссии и попечительского совета фонда. После этого мы расходимся по взаимному согласию.

— Вы слышите себя?

— Постоянно. Это профессиональная деформация.

— Я не буду вашей невестой.

— Я не прошу вас быть моей невестой. Я прошу сыграть роль достаточно убедительно, чтобы спасти здание, которое вы любите.

Таисия встала.

— Красиво. Почти трогательно. Только вы забыли одну вещь. Любовь к зданию не делает меня идиоткой.

Арсен тоже поднялся. Он не перегородил ей путь, но переговорная почему-то стала тесной.

— Я не считаю вас идиоткой.

— Зато считаете отчаявшейся.

— Да.

Ответ был таким прямым, что ударил сильнее хамства.

Она схватила пальто.

— Передайте своей бабушке, фонду и пресс-службе, что я предпочитаю остаться без мастерской, чем стать декоративной подпоркой под вашу репутацию.

— Даже если через месяц «Ильм» перейдёт Кайсару?

Она застыла.

Имя конкурента прозвучало как плесень на белой стене. Яромир Кайсар уже однажды «сохранял историческую фактуру» бывшей типографии. От типографии осталась кирпичная арка, встроенная в лобби апарт-отеля.

— Это шантаж.

— Это рынок.

— Нет, Глевицкий. Это грязь в дорогой упаковке.

Он молча протянул ей визитку.

— До пятницы. После этого ваш арендодатель получит судебное решение, а фонд уйдёт к более удобному партнёру.

Она взяла визитку только потому, что хотела порвать её у него на глазах.

Но не порвала.

В лифте Таисия достала телефон. На экране было семь пропущенных от матери и одно сообщение от арендодателя.

«Таисия, мне жаль. Если до пятницы денег не будет, по-

мещение освобождаем».

А следом пришло новое письмо.

От неизвестного отправителя. Без темы.

Внутри была фотография её мастерской. Ночная. Через стекло.

И короткая фраза.

«Глевицкий не успеет тебя спасти».

Глава 2. Попытка сорваться с крючка

Первое, что сделала Таисия, — удалила письмо.

Через десять секунд восстановила из корзины и переслала себе на запасную почту. Паника была плохим советчиком, но профессиональная привычка сохранять следы работала даже тогда, когда руки дрожали.

Она стояла у выхода из бизнес-центра, пока охранник не начал коситься. На улице мокрый снег царапал лицо, так-си стоили как маленькая роскошь, а до больницы надо было ехать через весь город. Таисия сунула телефон в карман и пошла к метро.

Всю дорогу она повторяла: есть другие варианты.

Есть банк. Есть рассрочка. Есть старые клиенты. Есть коллеги. Есть краудфандинг. Есть, наконец, продажа части оборудования, если совсем прижмёт.

Любой вариант лучше Глевицкого.

В банке её приняли в маленьком кабинете с пластиковым фикусом и женщиной по имени Алина, у которой была идеальная укладка и глаза человека, привыкшего сообщать плохие новости.

— Госпожа Лантова, по текущей кредитной нагрузке мы не можем одобрить сумму.

— Мне нужен не потребительский кредит. Я могу предоставить договоры с клиентами.

— У вас за последние четыре месяца два расторгнутых договора и один судебный риск по аренде.

— Судебный риск ещё не судебное решение.

— Для банка — риск.

— Мне нужна неделя.

— Банк не выдаёт недели.

Таисия вышла без кредита и с ощущением, что её аккуратно вынули из человеческой категории и переложили в графу «не проходит скоринг».

Второй клиент, владелец старой усадебной мебели, долго извинялся.

— Таисия, вы же понимаете, проект серьёзный, сроки горят. Мне тут намекнули, что у вас сейчас нестабильная ситуация. Я не могу рисковать комодом XVIII века.

— Кто намекнул?

— Ну... рынок маленький.

Рынок. Удобное слово. В него можно спрятать подлость, страх и чужую клевету.

Третья клиентка вообще не взяла трубку.

Четвёртый написал: «После истории с Халевиным не готов продолжать».

Нестор Халевин. Бывший партнёр. Бывший мужчина. Человек, который год назад улыбался ей на кухне, пил кофе из её кружки, говорил, что она слишком напряжена, а потом

увёл двух заказчиков и предъявил им её эскизы как «совместную разработку».

Таисия тогда не судилась. У матери начались проблемы с сердцем, мастерская висела на волоске, а юрист стоил почти столько же, сколько месячная аренда. Нестор этим и пользовался. Он всегда чувствовал, где у человека трещина.

К вечеру Таисия дошла до ломбарда.

Она держала в ладони серебряные серьги матери. Не фамильная драгоценность. Не антиквариат. Просто вещь, которую Раиса Лантова купила себе после первого крупного заказа в театре. «Когда-нибудь надену на твою выставку», — говорила она.

Оценщик покрутил серьги в пальцах.

— Три тысячи.

— Они ручной работы.

— Серебро низкой пробы. Камень синтетический.

— Это не камень. Это эмаль.

— Девушка, три тысячи.

Таисия забрала серьги и вышла.

В больнице мать лежала у окна и складывала журавликов из салфеток. После операции пальцы слушались плохо, но Раиса упрямо загибала бумагу, как будто могла доказать организму, кто здесь главный.

— Ты опять без шапки, — сказала она.

— У меня капюшон.

— Капюшон — это поражение цивилизации.

Таисия села рядом и взяла мать за руку.

Раиса посмотрела внимательнее.

— Что случилось?

— Ничего.

— Слово «ничего» у тебя появляется только перед катан-
строфой.

— Мам.

— Долги?

Таисия молчала слишком долго.

Раиса отложила журавлика.

— Мастерская?

— Я справлюсь.

— Это фраза людей, которые уже тонут.

— Я не буду тебя этим грузить.

— Поздно. Я твоя мать, а не фарфоровая статуэтка.

Таисия хотела рассказать всё. Про банк, клиентов, Несто-
ра, Глевицкого, письмо. Но одно дело — признаться в дол-
гах. Другое — сказать больной матери, что кто-то фотогра-
фирует мастерскую ночью.

— Мне предложили работу, — сказала она наконец.

— Хорошую?

— Дорогую.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тебе предложе-
ли продать почку?

— Потому что условия мерзкие.

Раиса долго смотрела на неё.

— Деньги без мерзких условий бывают редко. Вопрос в том, где твоя граница.

Таисия сжала серьги в кармане.

Граница была понятной утром. Днём она стала тоньше. К вечеру — почти прозрачной.

Позже, уже в мастерской, она включила свет и замерла.

На рабочем столе лежала папка. Не чёрная, как у Глевицкого. Обычная серая папка из канцтоваров.

Таисия точно не оставляла её там.

Внутри были распечатки её старых эскизов. Тех самых, которые присвоил Нестор. На каждом красным маркером было написано: «Чужое».

Последний лист отличался.

На нём была фотография фасада «Ильма» и подпись:
«Ты снова выбрала не того защитника».

Телефон зазвонил так резко, что Таисия едва не уронила папку.

Номер незнакомый.

Она ответила молча.

В трубке несколько секунд было слышно дыхание. Потом мужской голос сказал:

— До пятницы не дотянешь.

Связь оборвалась.

Таисия медленно опустилась на стул.

Варианты закончились.

Остался Глевицкий.

Глава 3. Подпись под снегом

Арсен стоял у двери мастерской, когда Таисия вернулась из больницы на следующий вечер.

Без зонта. В тёмном пальто. Снег таял на его плечах, на волосах, на воротнике. Он выглядел так, будто мог простоять под снегом час и назвать это рабочим ожиданием.

— Вы следите за мной? — спросила она.

— Нет.

— Тогда почему вы здесь?

— Получил копию письма.

Таисия застыла.

— Какого?

Он достал телефон. На экране была фотография её мастерской. Та самая, ночная. И фраза: «Глевицкий не успеет тебя спасти».

— Отправитель продублировал мне.

— Вы читаете мою почту?

— Нет.

— Очень удобно.

— Согласен. Но в данном случае правда неприятнее удобства.

Таисия открыла дверь мастерской, и он вошёл следом, хотя она не приглашала. Внутри пахло деревом, клеем, пылью и сухими травами, которые мать когда-то развесила над ба-

тареей «для уюта». На столах лежали рамы, гипсовые фрагменты, потемневшая доска с остатками росписи, маленькие баночки пигментов.

Арсен остановился у стены, где висело панно с золотыми рыбами. Половина была уже очищена от поздней краски. Другая ещё чернела трещинами.

— Это из «Ильма»? — спросил он.

— Из малого зала. До ремонта девяностых.

— Я думал, там ничего не сохранилось.

— Вы много чего думаете, не проверив руками.

Он коснулся края деревянной основы, но не росписи. Умно. Профессионал или хорошо обученный дилетант.

— Вы правы.

Таисия не сразу поняла, что он признал укол.

— Что?

— Я не проверил руками. Поэтому мне нужен человек, который проверит.

Она бросила сумку на стул.

— Вы говорите так, будто мы всё ещё обсуждаем работу.

— Мы обсуждаем вашу безопасность.

— Моя безопасность стала важна после того, как я понадобилась вашему фонду?

— Да.

Честность снова была почти оскорбительной.

— Вы могли соврать мягче.

— Мог. Но вы бы не поверили.

Он положил на стол новую папку.

— Переписанный договор. Вы получаете право вето по всем решениям, касающимся сохранённых элементов. Ваш долг закрывается сегодня. Лечение матери оплачивается через целевой медицинский счёт, без привязки к вашим личным обязательствам. Охрана у мастерской и больницы оформляется как техническая мера перед аудитом.

— А фиктивная помолвка?

— Остаётся.

— Тогда всё остальное — упаковка.

— Нет. Всё остальное — рычаги, которые вы сможете использовать против меня.

Таисия посмотрела на него внимательнее.

— Вы сами предлагаете мне оружие?

— Я предпочитаю, чтобы партнёр был вооружён. Так меньше иллюзий.

В этот момент зазвонил телефон. Больница.

Таисия взяла трубку и через минуту села на край стола, потому что ноги перестали держать. У матери осложнение. Нужны препараты, часть обследований и перевод в палату интенсивного наблюдения. Срочно. Сумма была не фантастической для Глевицкого и невозможной для неё.

Арсен не задавал лишних вопросов.

— Сколько?

— Не надо.

— Сколько, Таисия?

Она назвала.

Он отправил перевод при ней. Быстро, без драматичного жеста, как будто оплатил счёт за ужин.

И этим сделал всё хуже.

Потому что благодарность смешалась с яростью, а ярость — с беспомощностью.

— Я верну.

— Вернёте. Работой.

— Не телом. Не именем. Не жизнью.

— Работой, — повторил он. — И тремя месяцами убедительной лжи.

Она подняла глаза.

— У меня будут условия.

— Записывайте.

— Никаких поцелуев без моего согласия. Даже для камер.

— Согласен.

— Никаких ночёвок в одной комнате.

— Согласен.

— Никакого контроля над тем, что я говорю публично, если это касается реставрации.

— Согласен с оговоркой по юридическим рискам.

— Никаких подарков, которые потом можно предъявить как долг.

Он помолчал.

— Медицинский платёж уже сделан.

— Это долг.

— Нет.

— Для вас нет. Для меня да.

Арсен посмотрел на неё так, будто впервые понял не цифру, а вес этой цифры.

— Тогда внесём в договор как аванс по экспертной работе.

— И последнее. Если вы попробуете управлять мной, я сорву презентацию так, что ваша бабушка будет вспоминать меня в молитвах.

Он впервые улыбнулся. Едва заметно, но по-настоящему.

— Вот теперь я верю, что проект имеет шанс.

Она подписала в девять вечера.

Снег за окном густел. На улице уже стояла машина охраны, хотя она ещё не дала согласия. Таисия хотела возмутиться, но не нашла сил.

Арсен забрал один экземпляр договора, второй оставил ей.

— Завтра в десять первая рабочая встреча.

— Вы могли бы дать мне сутки на сожаление.

— У вас их не купили.

— Вы невыносимы.

— Это часто помогает.

Он дошёл до двери, потом остановился.

— Таисия.

— Что?

— Если захотите выйти из договора из-за угроз — выйдете. Деньги на лечение я не заберу.

Это прозвучало почти тихо.

Она не знала, что ответить.

Дверь закрылась.

Через пять минут пришло сообщение с неизвестного номера.

«Подписала. Значит, выбрала».

Глава 4. Правила игры

Первая официальная рабочая встреча прошла не в офисе Глевицкого, а в ресторане при старой гостинице на набережной.

— Почему здесь? — спросила Таисия, снимая перчатки.

— Здесь нейтральная территория.

— Нейтральная территория с белыми скатертями и официантами, которые боятся дышать?

— Вы же не хотели мой офис.

— Я хотела переговорную в департаменте культуры.

— Там слишком много ушей.

— А здесь?

Арсен не ответил. Только отодвинул ей стул.

Таисия села сама, не позволяя ему закончить жест.

— Это тоже правило, — сказала она. — Не играйте в галантность, если за ней стоит расчёт.

— А если привычка?

— Избавляйтесь.

На стол легла толстая пачка документов. График публичных выходов, тезисы, список возможных вопросов прессы, схема презентации фонда, биографические справки. Таисия листала и ощущала, как её жизнь превращается в пресс-кит.

— Здесь написано, что мы познакомились на закрытом обсуждении проекта месяц назад.

— Мы действительно там были.

— Я сидела в третьем ряду и назвала вашу презентацию «глянцевым некрологом кварталу».

— Именно тогда я вас запомнил.

— Романтично.

— Фактически.

Она подняла глаза.

— Глевицкий, если мы будем делать вид, что влюблены, вы должны хотя бы иногда звучать как человек, а не нотариальное приложение.

— Приму к сведению.

— Уже лучше.

Он открыл отдельный лист.

— Границы. Вы хотели прописать подробно.

— Хотела.

Они писали почти час.

Прикосновения только по предварительному сигналу. Публичное обращение друг к другу по имени. Никаких интимных подробностей в интервью. Никаких совместных фото из личных помещений. Отдельные машины, если нет угрозы безопасности. Запрет на использование матери Таисии в медийной легенде. Право Таисии прекратить публичный выход, если вопросы нарушают её личные границы.

— Вы уверены, что хотите оставить пункт о взглядах? — спросил Арсен.

— Какой пункт?

— «Не смотреть на меня так, будто я уже подписала акт приёма-передачи себя».

Таисия невольно улыбнулась.

— Оставить.

— Формулировка спорная.

— Зато точная.

— Тогда добавим взаимность.

— Что?

Он взял ручку.

— «Таисия Лантова обязуется не смотреть на Арсена Глевицкого так, будто он морально разлагается быстрее фасада аварийного здания».

— Но вы и правда...

— Взаимность, Таисия.

Она рассмеялась неожиданно для себя. Смех вышел коротким, почти нервным, но настоящим. Арсен смотрел на неё без улыбки, однако угол его рта дрогнул.

В этот момент она заметила движение за стеклянной перегородкой.

Мужчина у стойки бара поднял телефон и сделал снимок. Таисия напряглась.

Арсен не обернулся.

— Видите?

— Да.

— Журналист?

— Скорее, частный канал. Или папарацци, которых нанял

кто-то из конкурентов.

— И что мы делаем?

— Играем.

Он произнёс это спокойно, но воздух сразу изменился.

— Без поцелуев, — напомнила она.

— Я помню.

Арсен наклонился ближе. Не вторгся. Просто сократил расстояние так, что со стороны это выглядело интимно, а на деле между ними оставалось несколько честных сантиметров.

— Посмотрите на меня, — сказал он.

— Вы сейчас командуете?

— Прошу.

Она подняла глаза.

Камера за стеклом снова щёлкнула.

— О чём мы говорим? — спросила она тихо.

— О ваших условиях.

— Для фото это не слишком страстно.

— Тогда скажите что-нибудь злое.

— Вы бессовестный манипулятор с лицом человека, который считает эмоции дефектом планирования.

Арсен чуть наклонил голову.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— У вас в глазах появился огонь. Фотография получится убедительной.

Таисия хотела пнуть его под столом. Вместо этого взяла бокал воды. Его пальцы случайно коснулись её руки на секунду — достаточно коротко, чтобы быть случайностью, и достаточно явно, чтобы кожа запомнила.

Он убрал руку первым.

— Простите.

Опять это быстрое «простите». Без объяснений, без попытки превратить неловкость в флирт. От этого становилось сложнее сохранять ненависть в чистом виде.

После встречи они вышли через главный вход. У машины уже ждал тот самый фотограф.

— Арсен, это правда? Вы и активистка Лантова вместе?

Таисия почувствовала, как внутри всё сжалось.

Арсен не взял её за руку. Только повернулся и посмотрел на неё, будто вопрос был адресован не прессе, а ей.

Это был их первый публичный сигнал.

Она могла отойти. Могла оборвать. Могла сказать «без комментариев».

Вместо этого Таисия сама взяла его под руку.

— Мы работаем над одним проектом, — сказала она.

— Только проектом? — спросил фотограф.

Арсен ответил:

— Некоторые проекты требуют больше доверия, чем мы ожидали.

Фраза была идеально двусмысленной.

Таисия улыбнулась так, чтобы камеры получили кадр, и

прошептала сквозь зубы:

— Вы невозможны.

Он так же тихо ответил:

— Но полезен.

Вечером снимок уже гулял по городским каналам.

«Девелопер и активистка. Союз или роман?»

Под публикацией кто-то оставил комментарий:

«У неё всегда хорошо получалось продавать чувства».

Таисия узнала стиль Нестора раньше, чем увидела его имя.

Глава 5. Пресс-подход

На следующий день их сфотографировали у здания фонда Бранских.

Таисия стояла рядом с Арсеном и сжимала в кармане кольцо, которое отказалась надевать до официального объявления. Журналисты собрались быстрее, чем рассчитывала пресс-служба. Слишком много людей хотело увидеть, как активистка, ещё неделю назад называвшая проект Глевицкого угрозой кварталу, теперь выходит с ним под одной вспышкой.

— Госпожа Лантова, вы изменили позицию?

— Я изменила доступ к документам, — ответила Таисия.
— Теперь у меня есть право экспертного контроля. Это больше, чем лозунги у забора.

— Значит, вы доверяете господину Глевицкому?

Она почувствовала, как Арсен чуть повернул голову.

— Я доверяю подписанным обязательствам, — сказала она. — Людям доверяют медленнее.

В толпе кто-то усмехнулся.

Арсен подхватил без паузы:

— Таисия права. Доверие не объявляют на пресс-подходе. Его зарабатывают.

Эта фраза прозвучала неожиданно ровно. Не рекламно. Почти честно.

Репортёр из городского портала улыбнулась.

— Тогда уточню иначе. Когда вы поняли, что ваши отношения вышли за рамки конфликта?

Таисия открыла рот, готовая выдать безопасную фразу.

Арсен опередил:

— В тот день, когда она назвала меня грязью в дорогой упаковке.

Журналисты засмеялись.

Таисия повернулась к нему, всё ещё улыбаясь.

— А я — когда он впервые промолчал и не испортил момент.

Смех стал громче. Камеры щёлкали. Арсен смотрел на неё с выражением человека, который получил точный удар и оценил технику.

И тогда из второго ряда донеслось:

— Таисия, а ваш бывший уже поздравил вас?

Она побледнела раньше, чем увидела лицо.

Нестор Халевин стоял среди журналистов, в длинном светлом пальто, с телефоном в руке. Он всегда умел появляться так, будто его пригласила сама судьба. Красивый, мягкий, небрежный. Раньше Таисия принимала эту лёгкость за свободу. Потом поняла, что так выглядит отсутствие стыда.

— Или Глевицкий ещё не знает, что вы однажды уже продавали любовь за контракт?

Арсен шагнул вперёд не резко, но достаточно, чтобы про-

странство вокруг Таисии изменилось.

— Вы задали вопрос моей невесте, — сказал он. — Теперь задайте его мне.

Нестор ухмыльнулся.

— Не знал, что вы подбираете чужие истории, Арсен.

— Я не подбираю. Я выбираю.

— Даже если товар уже с дефектом?

Тишина стала мгновенной.

Таисия почувствовала, как старый стыд пытается подняться изнутри. Тот самый, который Нестор год назад оставил ей вместо извинений. Стыд жертвы, которой внушили, что она сама открыла дверь.

Она шагнула рядом с Арсеном. Не за него. Не под защиту. Рядом.

— Нестор, ты перепутал площадки. Здесь не распродажа твоей совести.

Несколько журналистов оживились.

— Вы можете пояснить? — спросила репортёр.

Таисия услышала собственное дыхание. Год назад она промолчала. Потому что лечила мать. Потому что не было денег на юриста. Потому что боялась, что ей скажут: сама виновата, сама доверяла, сама впустила.

Арсен наклонился чуть ближе.

— Не надо, если не хотите.

И это дало опору.

Таисия посмотрела в камеру.

— Год назад господин Халевин использовал мои эскизы для частного проекта без указания авторства. Я не стала судиться. Это было моей ошибкой. Теперь не будет.

Улыбка Нестора дрогнула.

— Осторожнее, Тая. Клевета дорого стоит.

— Знаю. У меня теперь хороший юрист.

Она понятия не имела, есть ли у неё хороший юрист.

Арсен сказал:

— Лучший.

После пресс-подхода он увёл её в машину. Только там Тая позволила рукам задрожать. Она сжала пальцы в кулаки, но дрожь пошла выше, к плечам.

— Дышите, — сказал Арсен.

— Не командуйте.

— Тогда не дышите. Посмотрим, как долго выдержите.

Она нервно рассмеялась. Смех почти сорвался в рыдание, но она задавила его.

— Он специально пришёл.

— Да.

— Его кто-то привёл.

— Скорее всего.

— Кайсар?

— Возможно. Или тот, кто хочет, чтобы мы так думали.

Она повернулась к нему.

— Вы всегда подозреваете всех?

— Это дешевле, чем потом удивляться.

Машина тронулась. За окном плыли мокрые фасады, прохожие, остановки, город, который не знал, сколько чужих игр проходит под его привычным шумом.

— Я любила его, — сказала Таисия неожиданно для себя. — Нестора. Сначала он был талантливым, смешным, лёгким. Я думала, рядом с ним перестану быть вечной старшей дочерью с калькулятором вместо сердца.

Арсен молчал.

— А потом оказалось, что лёгкость — это когда человек не несёт ничего сам. Ни ответственности, ни вины, ни обещаний.

— Он украл эскизы?

— Да.

— Вы обвиняете себя.

— А вы бы не обвиняли?

— Нет.

Она резко посмотрела на него.

— Конечно. Вы же не ошибаетесь.

— Ошибаюсь. Дорого. Поэтому давно перестал считать ошибку преступлением. Преступление — воспользоваться доверием.

Эти слова попали слишком точно.

Таисия отвернулась к окну.

— Вы тоже пользуетесь доверием.

— У нас пока нет доверия.

— Вот именно.

Машина остановилась у «Ильма». Старое здание стояло серым кораблём на углу двух улиц. Фасад облупился, афишные тумбы были пусты, но в арках всё ещё держалась упрямая красота.

Арсен вышел первым.

— Осмотр перенесём?

Таисия посмотрела на здание, потом на него.

— Нет. Сегодня я хочу смотреть на то, что ещё можно спасти.

И уже у входа увидела на двери свежую царапину.

Как будто замок недавно вскрывали.

Глава 6. Балкон

Внутри «Ильм» пах сыростью, пылью и металлом.

Таисия всегда думала, что у заброшенных зданий есть свой голос. Не мистический. Физический. Скрип досок, капли из проржавевших труб, осторожный шорох штукатурки, которая устала держаться. Если слушать внимательно, можно понять, где здание болит.

— Не отходите одна, — сказал Арсен.

— Вы сейчас как табличка «руками не трогать».

— Таблички часто правы.

Она включила фонарь. Луч прошёл по ободранным стенам, по рядам старых кресел, сваленных в проходе, по барельефу над сценой.

— Здесь будет главный зал, если ваши инженеры не решат добить его окончательно. Смотрите. За поздней краской может быть орнамент. А за экраном, скорее всего, сохранилась ниша для музыкантов.

— Вы говорите так, будто он живой.

— Он и есть живой. Просто больной.

— А я, значит, хирург с плохой репутацией?

— Нет. Хирург хотя бы даёт клятву.

Арсен усмехнулся.

Они поднялись по боковой лестнице. Ступени были скользкими, бетон крошился под ногами. На повороте Таи-

сия посветила вниз и заметила следы грязной подошвы.

— Стойте.

Арсен сразу остановился.

— Что?

— Здесь кто-то был. После дождя. Видите? Глина свежая.

Он наклонился.

— Наши инженеры?

— У инженеров допуск только завтра. И они не ходят в рабочих ботинках с таким протектором.

— Откуда вы знаете?

— Я реставратор. Следы на полу иногда говорят больше людей.

Она пошла выше, пока не оказалась на балконе. Там воздух был холоднее. В разбитое окно тянуло мокрым снегом. На мгновение Таисия поскользнулась, и тело привычно ожидало падения.

Арсен поймал её за талию.

Быстро. Крепко. Без театра.

На секунду они оказались слишком близко.

Она почувствовала его дыхание у виска, тепло ладони через ткань пальто, запах снега и кедрового парфюма. Тело отозвалось раньше, чем разум успел приказать ему молчать.

— Отпустите, — сказала она.

Он отпустил сразу.

— Простите.

Это короткое «простите» снова сбило равновесие сильнее

прикосновения.

Нестор никогда не отпускал сразу. Он улыбался, шептал, переводил всё в шутку или страсть, пока Таисия не начинала сомневаться, не слишком ли резко отреагировала. Арсен просто убрал руки. Потому что она попросила.

В аппаратной дверь была приоткрыта.

— Утром она была закрыта, — сказала Таисия.

— Не входите.

— Это мой объект.

— Сейчас это потенциальное место преступления.

— Вы любите громкие формулировки.

— Когда они помогают не умереть — да.

Из аппаратной донёсся тихий металлический звук.

Таисия замерла.

Арсен вытянул руку, закрывая её собой.

— Назад.

Но она уже увидела красный мигающий огонёк на полу.

Таймер.

Арсен не кричал. Именно поэтому она поняла, насколько всё плохо.

— К лестнице. Сейчас.

— Что это?

— Не выясняем.

Он взял её за руку. Не за запястье, не рывком, а так, чтобы она могла вырваться. Она не вырвалась.

Они бежали вниз, и старый «Ильм» будто стонал под но-

гами. На первом этаже охранник уже открывал аварийный выход. Арсен говорил коротко, без лишних слов:

— Все наружу. Полицию. Пожарных. Никого внутрь.

Через четыре минуты приехала первая машина полиции. Через десять — пожарные. Через пятнадцать стало ясно: в аппаратной лежало не взрывное устройство, а самодельный механизм для поджога. Канистра, провод, таймер, искра. Достаточно, чтобы старый зал вспыхнул, как сухая бумага.

Таисия сидела на бордюре и держала стакан с кофе из автомата. Кофе был отвратительный. Она всё равно сжимала его, как доказательство, что руки заняты и дрожать им некогда.

Арсен говорил с полицейским. Его лицо стало жёстким, почти незнакомым. Не холодным — опасным.

Когда он вернулся, она спросила:

— Это из-за меня?

— Это из-за проекта.

— Не уходите от ответа.

— Я не знаю.

— Но думаете, что да.

Он сел рядом. Дорогой человек на грязный бордюр.

— Думаю, вас выбрали слабым местом.

— Потому что я бедная, нервная и у меня мать в больнице?

— Потому что вы настоящая. Люди верят вам больше, чем мне. Значит, если вас сломать, проект станет пустым.

Таисия смотрела на тёмные окна «Ильма».

— Нестор мог?

— Мог. Но поджог — высокий риск. Ему выгоднее испортить вашу репутацию.

— Кайсар?

— У него есть ресурсы. Но поджог перед конкурсом слишком очевиден.

— Тогда кто?

Арсен не ответил.

Его телефон завибрировал. Он посмотрел на экран, и лицо изменилось почти незаметно.

— Бабушка, — сказал он.

Таисия услышала обрывки разговора:

— Нет, она не пострадала... да, я контролирую... Мирра Савельевна, не сейчас... потому что это не спектакль.

Последняя фраза была сказана слишком резко.

После звонка он долго стоял спиной. Таисия подошла сама.

— Сложные отношения?

— Образцовые. Она даёт условия, я выполняю.

— Семейная гармония.

— В чистом виде.

У дверей аппаратной следователь поднял пакет с обгоревшим куском изоляции.

А у Таисии в кармане завибрировал телефон.

Сообщение без номера:

«Огонь быстрее любви».

Глава 7. Кухня без масок

После поджога Таисию допрашивали два часа.

Следователь был вежлив, но устал. Он задавал одни и те же вопросы разными словами: кто знал о визите, были ли угрозы, кто мог получить выгоду, были ли у неё враги. На последнем вопросе Таисия почти рассмеялась. Враги у реставратора — звучит нелепо, пока кто-то не ставит таймер в старом кинотеатре.

Когда она вышла из отделения, было уже темно.

Арсен ждал у машины.

— Я отвезу вас.

— В мастерскую.

— Нет.

— Это был не вопрос.

— У мастерской охрана, но вы сейчас едва держитесь на ногах. Я отвезу вас в безопасное место, где вы выпьете чай, согреетесь и решите, куда ехать дальше.

— Вы умеете формулировать приказы так, будто они забота.

— Сейчас это забота, плохо замаскированная под приказ.

Таисия хотела спорить, но сил не осталось.

Квартира Арсена оказалась не роскошной в привычном смысле. Пространство, дерево, камень, большие окна на реку. Почти нет декора. На полке — архитектурные макеты и

старая фотография женщины с мальчиком лет десяти.

— Ваша мать? — спросила Таисия.

Арсен проследил за её взглядом.

— Да.

— Она жива?

— Нет.

Ответ был короткий, закрытый, но не грубый.

На кухне он поставил чайник, достал аптечку и молча ука-
зал на стул.

— Я не ранена.

— У вас ссадина на ладони.

Таисия посмотрела. Действительно. Маленький порез, ве-
роятно, от ржавого поручня.

— Вы замечаете слишком много.

— Профессиональная деформация.

Он сел напротив и начал обрабатывать рану. Его пальцы
были осторожными. Слишком осторожными для человека,
которого она мысленно записала в категорию «давит, поку-
пает, контролирует».

— Вы раньше дрались? — спросила она.

— В юности. Потом понял, что договоры больше.

— Сегодня вы выглядели уверенно.

— Сегодня я испугался.

Она подняла глаза.

— Вы?

— Да.

— Не похоже.

— У меня дорогое лицо. Хорошо скрывает дефекты. Таисия рассмеялась. Тихо, устало. Смех смягчил кухню. Он наклеил пластырь и отпустил её руку.

— Моя мать погибла, когда мне было шестнадцать, — сказал он вдруг. — Официально — несчастный случай. Неофициально — отец довёл её до состояния, в котором люди перестают смотреть по сторонам у дороги.

Таисия замерла.

— Простите.

— Бабушка забрала меня к себе после похорон. Она ненавидела моего отца и всё, что напоминало его хаос. Научила главному семейному навыку.

— Какому?

— Не нуждаться.

Таисия усмехнулась без радости.

— Плохой навык. Полезный, но плохой.

— Вы тоже его знаете.

— У меня другая версия. Не просить, пока не рухнешь.

— И как успехи?

— Сегодня чуть не рухнула три раза. Прогресс.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Почему вы не подали в суд на Халевина?

— Деньги. Мама. Страх. Стыд. Выберите любое.

— Стыд — не ваш.

— Это легко сказать со стороны.

— Да. Со стороны многое легко.

Пауза вышла не неловкой, а честной.

Таисия обхватила кружку ладонями. Чай был с имбирём и лимоном. Не ресторанный сложности, а нормальная человеческая забота. Это раздражало сильнее, чем его грубые предложения. С грубостью можно бороться. Забота просачивается в щели.

— Я не хочу быть вашим слабым местом, — сказала она.

— Поздно.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Вы стали слабым местом в первый день. Когда отказались вести себя удобно.

— Это комплимент?

— Вероятно.

— Вы плохо в них разбираетесь.

— Я учусь.

Он встал, чтобы убрать аптечку, и оказался рядом. Не слишком близко, но достаточно, чтобы Таисия снова почувствовала запах кедра и холодного воздуха с улицы.

— Нам надо найти того, кто поставил устройство, — сказала она.

— Найдём.

— И того, кто кормит Нестора.

— Да.

— И понять, почему Кайсар так уверен.

— Да.

— Вы всегда так спокойно отвечаете на катастрофы?

— Только когда нельзя остановить первую. Тогда надо предотвратить вторую.

Она посмотрела на него снизу вверх.

— Арсен.

Он слегка напрягся, будто собственное имя в её голосе было опаснее угроз.

— Да?

— Спасибо за маму.

— Это аванс.

— Не портите.

— Простите.

Слово снова прозвучало просто.

Таисия устала настолько, что почти позволила себе закрыть глаза. Но телефон на столе загорелся.

Новое сообщение.

«Безопасных мест нет».

К сообщению была прикреплена фотография.

Окно кухни Арсена.

Снаружи.

Глава 8. Ужин с Драконом

Мирра Бранская пригласила их на ужин через день после поджога.

Именно пригласила — если слово «пригласить» можно применить к сообщению, которое Арсен прочитал вслух с лицом человека, получившего повестку.

«Сегодня. 20:00. Оба. Не обсуждается».

— Она всегда так пишет? — спросила Таисия.

— Когда в хорошем настроении.

— А в плохом?

— Звонит.

Дом Мирры стоял в старом переулке за чугунной оградой. Не особняк из глянца, а тяжёлое городское здание с высокими окнами и тихим двором, где даже снег лежал дисциплинированно. Внутри пахло полированным деревом, бергамотом и властью.

Мирра Бранская оказалась маленькой женщиной с прямой спиной, серебряными волосами и глазами, которые не старели. Она смотрела так, будто видела не платье, не лицо, а структуру ошибок человека.

— Таисия Лантова, — сказала она. — Реставратор, активистка, должник, теперь ещё и невеста моего внука.

— Вы пропустили «потенциальная жертва поджога».

Мирра подняла бровь.

— Неплохо. Обычно на первом ужине со мной люди стараются понравиться.

— Я решила не тратить ваше время.

Арсен кашлянул в кулак. Кажется, скрывал улыбку.

Ужин был сервирован на три персоны. Рыба, овощи, тонкий фарфор, ножи, которые Таисия боялась перепутать. Мирра заметила и сказала:

— Берите любой. Если человек судит вас по ножу, ему нечего сказать по существу.

— Это проверка?

— Всё проверка.

— Тогда предупреждаю. Я не буду изображать женщину, потерявшую волю от фамильного серебра.

— Хорошо. Серебро у нас всё равно скучное.

Арсен молчал, но Таисия чувствовала его внимание. Не контроль. Скорее готовность вмешаться, если бабушка перейдёт грань. Это было странно. Ей не хотелось, чтобы он вмешивался. Хотелось справиться самой — и чтобы он видел.

Мирра начала с проекта.

— Зачем вам «Ильм»?

— Потому что здания не виноваты, что люди считают их нерентабельными.

— Сентиментально.

— Профессионально. Сносить дешевле только в коротком расчёте. Город без памяти дорожает быстрее, но беднеет

глубже.

— Фразы красивые. Вы умеете считать?

Таисия взяла салфетку, вытерла пальцы и спокойно назвала стоимость первичного обследования, примерный диапазон реставрации лепнины, расходы на консервацию и возможные источники компенсации через образовательную программу.

Мирра слушала без выражения.

— Значит, умеете.

— Иногда даже без калькулятора вместо сердца.

Арсен посмотрел на неё резко. Она поняла, что повторила фразу из машины.

Мирра заметила это тоже.

— У вас уже есть внутренние цитаты. Быстро.

— У нас есть договор.

— Договоры не создают таких взглядов.

Таисия поставила бокал.

— Вы сами требуете фиктивную помолвку, а теперь оцениваете степень её правдоподобия?

— Я требую ответственности.

— Нет. Вы требуете спектакль, потому что не верите, что взрослый человек способен отвечать без ошейника.

За столом стало тихо.

Арсен медленно сказал:

— Таисия.

— Нет. Вы сами привезли меня к человеку, который сде-

лал мою личную жизнь условием финансирования. Я имею право на реплику.

Мирра откинулась на спинку стула.

— И что же, по-вашему, является гарантией?

— Репутация. Публичные обязательства. Прозрачный бюджет. Независимый надзор. А не кольцо на женщине, которую удобно использовать как моральную печать.

Арсен смотрел на неё с таким странным выражением, что Таисия сбилась бы, если бы была менее злой.

Мирра молчала несколько секунд. Потом сказала:

— Вы мне не нравитесь.

— Взаимно.

— Но вы полезны.

— Это уже ближе к семейному признанию?

Мирра впервые улыбнулась. Очень слабо.

— Осторожнее. У меня нет чувства юмора. Только опыт.

После ужина Арсен проводил Таисию в зимний сад, пока Мирра разговаривала с кем-то по телефону. За стеклом падал снег. Внутри пахло влажной землёй и цитрусами.

— Вы понимаете, что только что спорили с самым опасным человеком в моей семье? — спросил он.

— Понимаю.

— И?

— Она первая начала.

Он всё-таки улыбнулся.

— Вы ей понравились.

— Она сказала обратное.

— У Мирры Савельевны это почти признание любви.
Таисия посмотрела на него.

— А вам?

— Что мне?

— Я понравилась?

Вопрос вырвался раньше, чем она успела его остановить.
Арсен замер.

Снег за стеклом падал медленно, как будто тоже хотел услышать ответ.

— Да, — сказал он.

Не кокетливо. Не удобно. Просто.

Таисия почувствовала, как поднимается жар к лицу.

— Это осложняет договор.

— Уже осложнило.

Он сделал полшага ближе и остановился.

— Я не буду пользоваться моментом.

— А если момент хочет, чтобы им воспользовались?

Его взгляд потемнел.

— Тогда моменту придётся подождать, пока у нас не будет угроз, камер и моей бабушки в соседней комнате.

Из соседней комнаты донёсся голос Мирры:

— Я всё слышу.

Таисия закрыла глаза.

Арсен тихо, почти беззвучно рассмеялся.

А когда они вышли из дома, на капоте машины лежал чёр-

ный конверт.

Внутри была фотография Мирры за ужином.

И подпись:

«Драконы тоже горят».

Глава 9. Платье

Подготовка к благотворительному вечеру фонда началась с платья.

Таисия считала это абсурдом. Угрожают ей, поджигают кинотеатр, фотографируют кухню Арсена и дом Мирры — а фонд присылает стилиста с рейлом платьев и словами: «Нам нужен образ сдержанной уверенности».

— Мне нужен бронежилет, — сказала Таисия.

Стилистка, хрупкая девушка по имени Элина, не моргнула.

— Под некоторые фасоны можно встроить тонкую защитную подкладку.

Таисия повернулась к Кире Таршиной, подруге и бухгалтеру мастерской.

— Она серьёзно?

Кира сидела н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.